

Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I

А. Ю. Перетяцько

Для цитирования: Перетяцько А. Ю. Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 508–530.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.213>

Статья посвящена анализу некоторых особенностей современной русскоязычной историографии рабства на Кавказе. Автор приходит к выводу, что, при повышенном внимании к частным и локальным сюжетам, публикаций, описывающих кавказское рабство в целом, достаточно мало и они начали появляться сравнительно недавно. В результате общепризнанной единой картины, отражающей это явление на Кавказе, в них не прослеживается, и даже оценки жестокости рабства могут различаться кардинально. Первая часть статьи посвящена терминологическому определению кавказского рабства как целостного феномена и уточнению того, в каком контексте оно должно исследоваться. Показано, что обычно само понятие «рабство» исследователи не уточняют, что ведет к серьезным искажениям: рабством могут называть только один из видов кавказского рабства, игнорируя другие; встречается смешение самых различных форм зависимости под одним определением «рабство» и т. п. Признавая право исследователя использовать собственное определение понятия рабства, автор статьи предлагает обязательно уточнять его в исследовательском нарративе. В ином случае, если определение рабства не отрефлектировано исследователем, его нарратив может содержать серьезные искажения не только терминологического, но и концептуального плана. В качестве контекста исследования кавказского рабства в целом предлагается использовать не столько национальную историю России, сколько историю работоторговческого причерноморского локуса. Как отмечает автор, российское влияние в регионе стало преобладающим достаточно поздно, в XIX столетии, и основные формы кавказского рабства сформировались в совершенно нетипичных для России социальных условиях. Сам характерный для Кавказа подход к рабству, не предполагавший стигматизации раба и часто оставлявший целый ряд возможностей для его освобождения, был основан на средиземноморских исламских практиках и вне их не может быть в должной мере понят. Наконец, только с учетом сравнительной мягкости некоторых форм средиземноморского рабства могут быть поняты некоторые обычаи Кавказа, кажущиеся варварскими, например продажа в рабство собственных детей.

Арте́м Ю́рьевич Пeрeтyацькo — канд. ист. наук, Университет Черкас Глобал, США, 20036, округ Колумбия, Вашингтон, NW, STE 900, Коннектикут авеню, 1150; Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100; ArtPeretatko@yandex.ru

Artyom Yu. Peretyatko — PhD (History), Cherkas Global University, 1150, Connecticut Av., Washington, NW, STE 900, District of Columbia, 20036, USA; Volgograd State University, 100, pr. Universitetskyy, Volgograd, 400062, Russian Federation; ArtPeretatko@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Ключевые слова: Кавказ, рабство, работорговля, пленопродавство, социальные институты, история морали.

Certain Problems of Researches of Slavery in the Caucasus as Holistic Phenomenon in Modern Russian-Speaking Historiography. Part I

A. Yu. Peretyatko

For citation: Peretyatko A. Yu. Certain Problems of Researches of Slavery in the Caucasus as Holistic Phenomenon in Modern Russian-Speaking Historiography. Part I. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 508–530. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.213> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of modern Russian historiography of slavery in the Caucasus. The author comes to the conclusion that despite a heightened attention to local and individual cases, the works describing Caucasian slavery in general are rather few, and they have appeared relatively. Therefore, there is no unified comprehensive picture of slavery in the Caucasus, and even evaluation of its cruelty can differ dramatically. The first part of the article introduces terminological definition of Caucasian slavery and clarifies the context in which it should be studied. It shows that researchers usually don't define the very concept of "slavery", which leads to serious distortions: sometimes only one of the types of Caucasian slavery is termed "slavery", whereas others are ignored; sometimes various forms of dependence are blended under one definition of "slavery", etc. The author suggests that the term should be defined in the researches to avoid serious distortions of terminological and conceptual nature. As a context for the study of slavery, the author proposes using the history of the Black Sea slave trade locus. Russian influence in the region became predominant in the 19th century, and the main forms of Caucasian slavery were shaped under social conditions completely atypical of Russia. The very approach to slavery characteristic of the Caucasus was based on Mediterranean Islamic practices and cannot be properly understood outside of them. Finally, only in consideration of the relative mildness of certain forms of Mediterranean slavery can some Caucasian customs, such as selling one's children into slavery, be understood.

Keywords: Caucasus, slavery, slave trade, captivity, social institutions, moral history.

Интерес к проблематике рабства на Кавказе в современной русскоязычной историографии непрерывно возрастает со времен распада СССР, но многочисленность и разнородность публикаций ведут к тому, что синтез наработок исследователей происходит далеко не всегда. Такая ситуация связана в первую очередь с тем, что публикации, посвященные специфическому кавказскому рабству в целом, как историческому феномену со своими уникальными особенностями, крайне редки, и, как правило, авторы исследуют достаточно узкие темы, описывая частные сюжеты рабовладения и работорговли, например гендерные, политические, социальные и т. д., причем часто дополнительно ограничивая себя узкими хронологическими и/или географическими рамками. Разумеется, подобный подход оправдан возрастающей специализацией исторической науки и позволяет исследователям полноценно раскрыть интересующий их конкретный сюжет. Проблема, однако, заключается в том, что в итоге обобщающие исследования о рабстве на Кавказе и вообще в Причерноморском регионе до последнего десятилетия фактически отсутствовали. В результате мы имеем прекрасно изученные детали единой картины, которой, безусловно, является кавказское рабство, но эти детали долго оставались (а во многом и остаются по сей день) не связанными воедино.

Первую попытку исправить ситуацию предпринял в 2011 г. В. Е. Возгрин, опубликовавший статью «Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье — Новое время)»¹. В ней исследователь отмечает, что тема рабства в постантичной Европе, если исключить из него различные формы крепостного права, вообще остается слабо изученной: в этой исследовательской области «царит оглушительное молчание»². В. Е. Возгрин сам попытался хотя бы немного обобщить и систематизировать имеющуюся информацию о «странах Черного моря как игравших в истории европейского рабства одну из ведущих ролей»³. Результаты этой систематизации, общие выводы исследователя получились оригинальными и во многом противоречащими традиционным в России взглядам на кавказское рабство: по мнению В. Е. Возग्रина, главную роль в причерноморской работорговле играли не горцы, а «крымские купцы итальянского происхождения и их стамбульские коллеги» (первые — до становления Османской империи, вторые — после этого события); само рабство же в средиземноморских странах, куда продавали рабов из Причерноморья, было достаточно мягким и давало шанс на освобождение, чем «отличалось от неизбежного рабства крепостных Восточной Европы»⁴. Таким образом, в интерпретации В. Е. Возग्रина рабство на Кавказе не подвергается распространенной в отечественной историографии критике морально-этического и эмоционального характера, но, напротив, в чем-то даже оправдывается, да и главная вина за распространение этого рабства возлагается на внешних по отношению к региону игроков — итальянцев и турок.

После этого появилось еще несколько статей, претендующих на описание кавказского рабства в целом. Все они выполнены на высоком профессиональном уровне и заслуживают внимания, однако описываемые в них картины расходятся концептуально и принципиально. Так, в 2020 г. статью «Северокавказский “очаг” работорговли (“пленопродавства”): к постановке проблемы» опубликовал автор целого ряда исследований о рабстве в период Кавказской войны Ю. Ю. Клычников⁵. И в его нарративе никаких утверждений о сравнительной мягкости причерноморского рабства по сравнению с русским крепостным правом уже нет: напротив, кавказское рабство подается в контексте кавказской архаичности, неспособности местных обществ ввиду отсутствия ресурсов изыскать другие экономически выгодные формы деятельности, и, что важно, акцентируется внимание на том, что отказ горцев от работорговли произошел исключительно под благотворным внешним влиянием Российской империи⁶. Тексты В. Е. Возग्रина и Ю. Ю. Клычникова можно рассматривать как крайние точки в интерпретации кавказского рабства как единого исторического феномена.

Существуют и работы, занимающие промежуточное положение между ними: например, в статье «Эволюция института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв.» А. А. Черкасова, В. Г. Иванцова, М. Шмигеля и С. Н. Братановского дается значи-

¹ *Возгрин В. Е.* Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье — Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2011. Вып. 3. С. 90–100.

² Там же. С. 90.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ *Klychnikov Yu. Yu.* North Caucasian “Hotbed” of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice.* 2020. No. 5 (1). P. 4–18.

⁶ *Ibid.* P. 5–7.

тельно более негативная, чем у В. Е. Возгрин, характеристика кавказского рабства, но при этом оно в отличие от концепта Ю. Ю. Клычникова все же рассматривается как привнесенное на Кавказ внешними работорговцами, а не имманентно присущее региону⁷. Е. И. Иноземцева в одной из немногих специальных монографий о кавказском (в данном случае дагестанском) рабстве, вышедшей в 2014 г., напротив, характеризует восточное рабство, типичное для региона, как достаточно мягкое, но акцентирует внимание на выгоде, которую получали от работорговли местные феодалы, а не иноземные купцы⁸.

Подобные противоречия между исследовательскими концепциями, конечно, частично объясняются самой сложностью темы и малым числом попыток концептуального осмысления рабства на Кавказе. Однако есть еще две важные причины, ведущие к противоречию исследовательских нарративов. Прежде всего, отсутствует научный консенсус в вопросе о том, в каком контексте следует изучать кавказское рабство. Между тем именно от контекста будет зависеть его оценка. Как мы видели выше, В. Е. Возгрин пишет о рабовладельческих практиках кавказских горцев без особенного осуждения, потому что его трактовка основана на сопоставлении средиземноморского рабства с восточноевропейским крепостным правом в пользу первого. Ю. Ю. Клычников, напротив, резко осуждает горские практики рабовладения, так как рассматривает их в контексте Кавказской войны, причем описываемой с русской точки зрения. Весьма характерно использование им в названии одного из своих сборников статей понятия «хищничество», восходящего к российской дореволюционной историографии⁹. Важны и хронологические рамки этого контекста. В. Е. Возгрин оценивает кавказское рабство в системе координат Позднего Средневековья — того времени, когда оно получило широкую известность, а рабы с Кавказа начали массово попадать на рынки итальянских торговых республик; и поэтому оно представляется ему вариантом нормы своего времени, ведь схожие практики права собственности на людей существовали тогда во многих странах. Ю. Ю. Клычников рассматривает кавказское рабство преимущественно в контексте XIX в. с его пафосом борьбы с зависимостью человека от человека, отменой крепостного права в России и Гражданской войной в США. Для него желание горцев продолжать работорговлю выглядит варварским анахронизмом. Вполне естественно, что, пока четкое понимание того, в каком контексте следует рассматривать кавказское рабство, у исследователей отсутствует, каждый из них отдает предпочтение близкому ему контексту. Но в результате даже базовые оценки жестокости работорговли на Кавказе в исследовательских нарративах начинают различаться кардинально.

Кроме того, нельзя не отметить очевидную политизированность данной темы. Мы сознательно не будем заострять на ней внимания, считая это малопродуктивным. Однако следует понимать, что даже за некоторыми качественными и интересными исследованиями кавказского рабства очевидно проглядывает политическая

⁷ Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel' M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. No. 50 (4). P. 1334–1346.

⁸ Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане: очерки истории. Махачкала, 2014. С. 181–186.

⁹ Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011.

ангажированность, чаще всего желание доказать позитивную или негативную роль России на Кавказе. Это не просто ведет к созданию совершенно разных картин кавказского рабства, но и мешает конструктивному диалогу исследователей различных политических воззрений. Между тем некоторые факты, сюжеты и даже тенденции в их статьях демонстрируют явную общность.

Самой главной особенностью, объединяющей многие статьи последнего десятилетия о рабстве на Кавказе, является переоценка значения рабства, если не в морально-этическом, то в социально-экономическом плане. В статьях самых разных авторов Кавказ предстает как специфический регион, не рабовладельческий в традиционном понимании, но являющийся центром экспортной работорговли. Выше мы приводили мнение В. Е. Возгрин, согласно которому страны бассейна Черного моря «играли в истории европейского рабства одну из ведущих ролей», а здесь отметим, что в интерпретации этого автора для некоторых стран региона рабство носило сугубо экспортный характер и в местных хозяйствах рабы применялись мало¹⁰. Однако о том же самом, только с иными оценками, пишет и Ю. Ю. Клычников, подчеркивая экспортный характер кавказского рабства¹¹. При подобном подходе, даже если исследователь оценивает специфическое экспортное кавказское рабство как архаичную дикость, он понимает, что эта дикость в течение длительного периода была важнейшей особенностью кавказского общества, и пытается понять причины ее устойчивости. Соответственно, внешняя работорговля из экзотической особенности дикого края превращается в важный социальный институт крупного региона, который необходимо исследовать не только с эмоционально-описательных, но и с социально-экономических позиций, выявляя те его позитивные для местных жителей стороны, которые обеспечили многовековую устойчивость данного института.

Но возрастающее внимание к экономическому и социальному значению внешней работорговли для Кавказского региона неизбежно порождает целый ряд новых и принципиально важных вопросов. Какой была мораль общества, жившего внешней работорговлей? Как трансформировались его социальные нормы, с учетом того, что перспектива если не рабства, то попадания в плен за выкуп угрожала едва ли не каждому жителю? Дать ответ на подобные вопросы можно только в исследованиях кавказского рабства достаточно обобщающего характера, которые, как мы видели выше, появляются достаточно редко.

И именно исходя из редкости подобных исследований мы взяли на себя смелость написать данную статью. Как было сказано выше, в последнее десятилетие появилось несколько работ, в которых впервые предпринимается попытка проанализировать кавказское рабство в целом как специфический региональный социально-экономический феномен. Однако эти работы на первый взгляд противоречат друг другу, особенно в плане оценок, поскольку их авторы рассматривают кавказское рабство в совершенно разном контексте. Кроме того, ряд принципиально важных проблем для осмысления кавказского рабства как единого феномена в этих работах не просто не раскрыт, но и даже не отрефлексирован: так, в само понятие «рабство» исследователи могут вкладывать различные смыслы, и то, что является важной формой рабства для одного, может вовсе не описываться другим.

¹⁰ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря. С. 90–91.

¹¹ Klychnikov Yu. Yu. North Caucasian “Hotbed” of the Slave Trade. P. 6–7.

В то же время при более внимательном изучении данных публикаций между ними видны определенные точки соприкосновения, в том числе и концептуальные, однако они тоже не отражены авторами. И поэтому мы решили попытаться более четко обозначить важнейшие, на наш взгляд, проблемы, связанные с исследованием специфического регионального рабства на Кавказе как единого феномена, которые уже проявились в статьях исследователей последнего десятилетия, но, как нам представляется, недостаточно осмыслены историческим сообществом.

В то же время мы прекрасно понимаем, что полноценный анализ такого значительного историографического явления, как историография кавказского рабства, даже ограниченного хронологическими рамками последнего десятилетия, в отдельной статье невозможен. Поэтому еще раз подчеркнем, что мы собираемся рассматривать преимущественно те тексты, в которых предпринята попытка так или иначе раскрыть общие вопросы истории рабства на Кавказе. Работы же специальные, описывающие исключительно частные аспекты кавказского рабства, мы рассматриваем только в том случае, если в них содержится более детальная и точная информация о сюжетах, поднятых в обобщающих работах. При этом, с одной стороны, иногда общие вопросы кавказского рабства могут раскрываться и в статьях, в основном посвященных частным аспектам этого феномена, а, с другой стороны, ценные и важные исследования о рабстве на Кавказе могут вовсе не содержать обобщающих утверждений. Исходя из этого, мы предпочли проанализировать меньшее число работ, но более подобно, сконцентрировавшись на четырех основных вопросах:

1. Какое определение рабства наиболее продуктивно при изучении кавказского рабства?
2. В каком контексте продуктивнее всего изучать кавказское рабство в целом?
3. Можно ли рассматривать некие социальные практики кавказской работорговли как формы не конфронтации, а трансграничного диалога?
4. Какую можно предложить хронологическую периодизацию кавказского рабства?

Как нам представляется, именно эти вопросы принципиально важны для современной историографии кавказского рабства, и для его дальнейшей эволюции крайне желательно дать ответы на них. При этом оговорим, что мы считаем те ответы, которые предложены нами далее, не безусловно верными, но только приглашающими к дальнейшей дискуссии, и строили эти ответы в значительной степени на развитии концепций других ученых, чей приоритет в этой области несомненен и на анализе трудов которых мы основываем соответствующие разделы своей статьи.

Что считать рабством?

В случае с Кавказом, особенно в контексте принципиально значимого для русскоязычной историографии противостояния горских племен и Российской империи, данный вопрос является отнюдь не праздным, а между тем большая часть исследователей его даже не ставит, вероятно, считая, что значение понятия «рабство» очевидно и общепринято.

Чтобы пояснить свою мысль, обратимся к двум недавно изданным научным статьям, содержательно крайне интересным и ставящим важные вопросы, но терминологически небезупречным. Прежде всего речь пойдет об уже упомянутой нами статье Ю. Ю. Клычникова «Северокавказский “очаг” работорговли (“пленопродавства”): к постановке проблемы». В этой статье историк обратил внимание на то, что Кавказский регион был важнейшим источником рабов на протяжении всей своей истории, от Античности до Чеченских войн, и попытался объяснить это природно-географическими факторами: «Северный Кавказ в силу ландшафтно-климатической специфики был малопригоден для формирования сложных социально-политических конструкторов. Здесь существовала угроза “мальтузианской ловушки”, тормозившей социально-экономический генезис местных обществ, заставляя их придерживаться некоего оптимального уровня в потреблении ресурсов и регламентируя демографические процессы. <...> С точки зрения получения прибыли торговля людьми не имела себе равных, успешно конкурируя с продажей зерна, шкур и тому подобной продукции. Это был шанс не только обеспечить себе материальный минимум, но и в случае успеха добиться имущественного благополучия и возвыситься в среде соплеменников»¹². По мнению Ю. Ю. Клычникова, только Россия смогла даже не искоренить, но только подавить практику захвата рабов горцами, а в моменты ослабления ее государственных институтов практика подобного захвата и продажи невольников возрождалась¹³. Как нам представляется, в данной концепции очевидно прослеживаются идеи «школы В. Б. Виноградова», учителя Ю. Ю. Клычникова, о безусловно благотворном влиянии Российской империи на кавказские народы.

Проблема, однако, заключается в том, что, как подчеркивает сам Ю. Ю. Клычников, более корректно называть захват и последующую продажу людей горскими племенами не работорговлей, но пленопродавством¹⁴. Сами горцы труд пленных рабов использовали мало, и обычно их задачей было выгодно продать пленника¹⁵. Что важно в контексте наших рассуждений, зачастую пленник изначально захватывался с целью не продажи в рабство, но возвращения за выкуп на родину. Хрестоматийным здесь может быть пример с русским офицером Ф. Ф. Торнау, которого долго держали в плену именно в надежде на выкуп от российских властей и не пытались продать в рабство на сторону (подробное описание этих событий оставил сам Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях)¹⁶. Как нам представляется, считать Ф. Ф. Торнау классическим рабом захвативших его горцев было бы все же не совсем корректно, да и в историографии принято считать его именно пленником. Однако вопроса о том, в какой момент пленники горцев превращались в их рабов, Ю. Ю. Клычников даже не ставит, фактически трактуя работорговлю и пленопродавство как синонимы.

Мы еще вернемся к этому сюжету, а пока отметим другой дискуссионный момент в статье Ю. Ю. Клычникова. Как мы помним, Кавказская война закончилась в 1863 г., а крепостное право в Российской империи было отменено только

¹² *Klychnikov Yu. Yu. North Caucasian “Hotbed” of the Slave Trade. P. 7.*

¹³ *Ibid. P. 9–10.*

¹⁴ *Ibid. P. 7.*

¹⁵ *Ibid. P. 11.*

¹⁶ *Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008.*

в 1861 г. Таким образом, в течение большей части этой войны обе противостоящие стороны практиковали торговлю людьми. Конечно, можно утверждать, что крепостное право не было классическим рабством; однако и у горцев в интерпретации Ю. Ю. Клычникова преобладало пленопродавство, а не классическое рабство. Более того, с конца XVIII в. как раз граничный с Северным Кавказом регион, Земля Войска Донского, был инкорпорирован в систему российского крепостничества почти сразу же после потери статуса пограничной территории, на которую совершались набеги (в том числе с «пленопродавческими» целями) враждебные племена. Набеги на донские станицы прекратились в 1783 г., с присоединением Крымского ханства¹⁷. Уже в 1796 г. крестьяне, проживавшие на территории Донского Войска, были фактически закрепощены¹⁸. После этого донская элита быстро получила большинство привилегий российского дворянства¹⁹. Донские дворяне активно покупали крестьян, и к отмене крепостного права крепостные составляли уже почти треть населения Земли Войска Донского²⁰. На 1861 г. помещичьих крестьян на Дону было 295 685 человек, при общем населении края в 923 656 человек²¹. Следовательно, представляется как минимум вероятным, что в случае более ранней победы России в Кавказской войне пленопродавство на Кавказе просто сменилось бы другим видом неклассического рабства, крепостничеством. Кстати, и в реальности к середине XIX в., хотя на Кавказе формально и разделяли крепостных и холопов «азиатского происхождения», фактически имели место как минимум отдельные случаи продажи последних русским дворянам (да и обычные крепостные в регионе уже появились)²².

А теперь попробуем взглянуть на ситуацию с противоположной, горской стороны. Еще в 2017 г., полемизируя с некоторыми более ранними работами Ю. Ю. Клычникова, известная дагестанская исследовательница гендерной истории О. С. Мутиева опубликовала статью «Женщины как объект пленения и работорговли в контексте Кавказской войны»²³. И в ней историк попыталась доказать, что «пленение для последующей продажи издавна имело широкое распространение не только у народов Кавказа, но и повсеместно»²⁴. Фактически наиболее подробно О. С. Мутиева рассматривает именно захваты пленниц русскими войсками, подтверждая массовость подобной практики как свидетельствами современников, так и тем фактом, что Российской империи пришлось разрабатывать специальное законодательство о воспитании плененных горянок²⁵. Исследовательница утвержда-

¹⁷ *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 33.

¹⁸ *Савельев Е. П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. С. 27.

¹⁹ *Сапожников А. И.* Из предыстории Дворянской родословной книги Войска Донского 1826–1835 // *Донской временник*. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 62–84.

²⁰ *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб., 1863. С. 227.

²¹ Там же. С. 201–202.

²² *Tutyunina E. S.* To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. No. 3 (1). P. 41–44.

²³ *Мутиева О. С.* Женщины как объект пленения и работорговли в контексте Кавказской войны // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2017. № 3. С. 47–51.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Там же. С. 48.

ет, что «в качестве рабынь для домашнего хозяйства» захваченных женщин использовали обе стороны, однако акценты ею расставлены достаточно специфично: по ее мнению, «русская столичная знать проявляла интерес к кавказским женщинам, покупая их в качестве экзотического товара», а вот в адрес горской элиты аналогичных обвинений не звучит, а единственный конкретный подробно разобранный пример касается пленницы, добровольно ставшей женой Шамиля и разделившей с ним ссылку²⁶.

И здесь мы снова возвращаемся к терминологической путанице между понятиями «пленник» и «раб» применительно к Кавказу. О. С. Мутиева эти понятия вообще не разграничивает и ставит знак равенства между рабынями, захваченными горцами, и пленницами русской армии. Между тем из приводимых ею законодательных актов, напротив, следует, что пленные горянки по официальному российскому законодательству сохраняли свою свободу. Власти совершенно недвусмысленно предписывали «дочерей горцев отдавать на воспитание желающим, с правом держать их у себя до 18-летнего возраста, а по достижении оного *предоставлять им избирать род жизни* (курсив мой. — А. П.)»²⁷. Безусловно, воспитатель девушки-горянки мог использовать ее в качестве бесплатной помощницы по хозяйству, а после достижения ею совершеннолетия законодательно имел право влиять на ее судьбу, «устроив участь их отдачею в замужество или доставлением других приличных способов к содержанию»²⁸. Не исключены и случаи нарушения законов с продажей горянок в крепостное рабство. Но ни одного конкретного случая продажи пленницы-горянки и вообще нарушения ее официальных прав русским воспитателем О. С. Мутиева не приводит, ограничиваясь утверждением о том, что «восточные женщины становятся для русских дворян своеобразным финансовым вложением, которых в последующем могли еще и весьма выгодно перепродать»²⁹. Вот только в подтверждение этой фразы она ссылается на книгу Ю. Ю. Клычникова и А. А. Цыбулькиной о «хищничестве» на Северном Кавказе при том, что фактически по ссылке есть только информация о высочайших ценах на кавказских красавиц на восточных невольничьих рынках и ни одного примера, чтобы горянок на эти рынки перепродавали русские дворяне³⁰. Наконец, заслуживает внимания тот факт, что, если захваченная русскими девочка-горянка не находила семьи, то она отдавалась в Московский воспитательный дом за государственный счет³¹. Разумеется, это не означает, что пленных горянок русские не продавали в рабство, и как минимум об одном таком случае мы еще напишем в одном из последующих разделов нашей статьи, но вопрос о том, насколько массовой и распространенной была такая продажа, О. С. Мутиевой фактически даже не ставится. Фактически русские обвиняются в полноценной торговле пленными горянками только на основании того, что они теоретически могли ею заниматься, причем в нарушение российского законодательства; а в единственной прямой цитате, приводимой О. С. Мутиевой, в которой говорится об участии русских офицеров в торговле женщинами, кстати,

²⁶ Мутиева О. С. Женщины как объект пленения... С. 49.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Клычников Ю. Ю., Цыбулькина А. А. «Так буйную вольность законы теснят...». С. 59–60.

³¹ Мутиева О. С. Женщины как объект пленения... С. 48.

взятой не из источника, а из работы, критикуемой А. А. Цибулькиновой, дословно говорится: «...нечистые на руку российские военные сами продавали горцам *русских женщин* (курсив мой. — А. П.)»³².

Впрочем, родным захваченной девушки едва ли были важны подобные нюансы. В 1813 г. к русским сбежал некий горец, именуемый в одних документах Ахметом, а в других Магметом, с украденной из влиятельной семьи девушкой Пеке Абати³³. Ее отец и угрожал русским набегом, и лгал от отчаяния (как потом сам признавал), что сможет вернуть захваченных другими горцами русских пленников в обмен на дочь, и обещал после ее возврата прекратить набег³⁴. Конечно, не стоит считать, что так вели себя все горцы, но горечь человека, боящегося, что он навсегда потерял любимую дочь, вполне понятна. В защиту русской администрации следует сказать, что решение вернуть девушку отцу Абатиру Уссе было принято менее чем за месяц, а наказывать за прямые угрозы в адрес русских властей Абатира не стали³⁵. И все же первоначально русская администрация предпочла не вернуть незаконно украденную дочь отцу, а торговаться с ним, требуя взамен выдать пленников, захваченных другими горцами (собственно, тогда и выяснилось, что вернуть этих пленников, несмотря на данные обещания, Абатир не в силах)³⁶.

На примере проанализированных статей очень хорошо видно, как терминологическая неопределенность вокруг понятия «рабство» ведет к определенным искажениям в восприятии исторических явлений. И Ю. Ю. Клычников, и О. С. Мутиева не проводят четкой грани между рабством и пленением, однако далее их пути расходятся. Ю. Ю. Клычников в анализируемой статье сужает понятия рабства и работорговли, сводя их исключительно к захвату пленных и дальнейшему пленопродавству. Поскольку подобные практики действительно исторически наиболее характерны именно для Кавказа, но не для сопредельных регионов, логичным оказывается вывод о том, что Кавказ представляет собой некую уникальную область, для которой имманентно характерна работорговля, искореняемая только в результате внешнего (российского) влияния. Однако, если учитывать бытование в сопредельных регионах иных неклассических форм рабства и работорговли, ситуация изменится коренным образом: Турция в 1860–1870-х гг. еще была важным рынком сбыта кавказских женщин и детей³⁷, в России крепостное право отменили в 1861 г., а в Персии работорговлю вообще запретили только в XX столетии³⁸. Таким образом, массовая торговля людьми на Кавказе прекратилась в историческом масштабе одновременно с соседними регионами (скорее, можно говорить об опережении по сравнению с другими мусульманскими странами, но никак не об отставании). Соответственно, многие наблюдения Ю. Ю. Клычкова представляются нам интересными и важными, но с той оговоркой, что они вовсе не доказывают имманентность кавказской работорговли, а лишь объясняют то, почему институты рабства

³² Там же. С. 49.

³³ Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1, issue 3-1 (Special issue). P. 1650–1651.

³⁴ Ibid. P. 1652.

³⁵ Ibid. P. 1652.

³⁶ Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives. P. 1651.

³⁷ Клычников Ю. Ю., Цибулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...». С. 56–68.

³⁸ Mirzai B. A. Slavery, the Abolition of the Slave Trade, and the Emancipation of Slaves in Iran (1828–1928). Ottawa, 2005.

проявились в регионе в значительной степени в форме пленопродавства. Избежать же распространения работорговли вообще, в той или иной форме, Кавказ не мог в силу своей исторической культурной и политической зависимости от соседних империй, в которых до XIX в. практиковалась торговля людьми.

О. С. Мутиева, напротив, де-факто трактует понятия рабства и работорговли предельно расширительно, рассматривая в качестве сущностно одинаковых явлений как захват пленницы с осознанным желанием выгодно ее продать, так и ситуационный захват пленницы с ее дальнейшим воспитанием в чужой культуре, с инкорпорацией в эту культуру без присвоения рабского статуса. В действительности же между этими явлениями была принципиальная разница, если не моральная, то хотя бы экономическая: если для жителей Кавказа (включая, кстати, не только горцев, но и казаков) захват пленниц был обоснован прежде всего экономически, и для некоторых горских сообществ пленопродавство становилось, как мы увидим ниже, важной составляющей экономики, то взятие горянки на воспитание могло обосновываться совершенно иными, гуманистическими или идеологическими соображениями, а Российская империя в целом от создания системы обучения горских пленниц, в том числе на государственный счет, экономически ничего или почти ничего не выигрывала. При этом также интересны и заслуживают внимания общие выводы О. С. Мутиевой о том, что женщин с целью наживы захватывали как горцы, так и русские и что не следует считать данный процесс сугубо односторонним.

Может показаться, что рассмотренные нами статьи вообще не имеют точек соприкосновения. Однако на самом деле оба этих исследования отражают тенденцию, явно наметившуюся в современной русскоязычной историографии рабства на Кавказе, о которой мы писали выше, тенденцию к переоценке значения рабства. Мы считаем возможным назвать эту тенденцию «нормализацией рабства», поскольку фактически она основывается на признании рабства специфической нормой народов Кавказа, на которой в значительной степени основывалось их общество. Но статьи Ю. Ю. Клычникова и О. С. Мутиевой демонстрируют, насколько разными путями и с разными результатами может происходить эта нормализация уже в силу одной непроясненности терминологического аппарата. Ю. Ю. Клычников делает акцент на нормализации работорговли у *народов Кавказа*, на этом основании доказывая, что отвергавшая нормы местного «пленопродавства» Россия являлась, безусловно, положительной силой для региона, искоренившей в нем рабство. О. С. Мутиева же исходит из необходимости *нормализовать работорговлю* для народов Кавказа, доказать, что работорговля является нормой для народов определенного уровня развития и в этом отношении нет принципиальной разницы между русскими и горцами в период Кавказской войны.

Какой из предложенных подходов следует считать верным и какое определение следует дать кавказскому рабству? На наш взгляд, вопрос нужно ставить иначе. Приведем цитату из статьи И. Н. Данилевского, одного из крупнейших современных российских историков: «Нет “хороших” или “плохих” научных терминов. <...> Любой из терминов, каково бы ни было его происхождение, может вызвать у читателя неверные ассоциации и/или неточное понимание того, что хотел сказать автор исторического труда. Поэтому при использовании всех перечисленных типов терминов историк обязан уточнять, какое значение он вкладывает в каждый из них в данном конкретном случае. Это позволит сделать существенный шаг к созданию

максимально корректных научных реконструкций прошлого»³⁹. С нашей точки зрения, вполне допустимо как расширительное, так и предельно узкое использование терминов «рабство» и «работорговля» по отношению к Кавказу при условии, что автором четко указаны и осмыслены определения этих терминов и он применяет их последовательно и логично. Мы в своей статье будем исходить из предельно расширительной трактовки кавказского рабства и считаем необходимым прояснить ее в нескольких основных положениях.

1. Поскольку Кавказ исторически находился на рубеже различных культур и правовых систем, то при его изучении в принципе оправданно использовать понятие «рабство» в предельно расширительной трактовке, подразумевая под ним любые формы нахождения одного человека в собственности или полной юридической зависимости от другого человека.

2. Однако при этом нужно быть последовательными и рассматривать в подобном контексте все формы собственности над людьми. Иными словами, если мы трактуем работорговлю расширительно и, например, считаем захват горцами русских офицеров с целью выкупа формой кавказской работорговли, то и продажа крепостных крестьян на кавказских территориях Российской империи должна считаться иной формой кавказской работорговли, пускай и принесенной извне и неспецифичной для региона.

3. В результате для Кавказа становится особенно актуальным вопрос о выявлении и корректном сравнительном описании различных вариантов рабства, в том числе и таких, которые обычно рабством не считают. И здесь нам представляется очень удачным понятие «пленопродавство» в интерпретации Ю. Ю. Клычникова, с тем уточнением, что его следует считать только одной из нескольких форм рабства на Кавказе (и, возможно, не самой важной). Использование данного понятия позволяет терминологически отразить тот факт, что, помимо традиционных патриархального и феодального рабства горских народов, а также русского крепостного права, на Кавказе получили распространение захват рабов для продажи за пределы региона и захват пленных для выкупа, а не продажи в рабство. Подчеркнем, что при подобном подходе пленопродавство означает не просто захват пленных, но особый вид работорговли, в рамках которого захваченный пленник не встраивается в социальную систему захватившего его общества в качестве раба, а используется исключительно для продажи вне этого общества.

4. Необходимо выделять и иные уникальные формы кавказского рабства, вплоть до вынесения в отдельную категорию девочек-горянок, пленницами насильно отданных на воспитание в семьи, принадлежавшие имперской культуре. Однако здесь нужно учитывать, что, предельно расширяя понятие рабства, рассматривая под ним явления разных культур и обществ, объединенные насилием над личностью и ее полным подчинением другому человеку, мы должны разделять эти явления, выявляя их специфику и выстраивая их иерархию. Нельзя ставить знак равенства между всеми видами кавказского рабства и рассматривать в качестве сущностно и этически аналогичных явлений, например, насильное воспитание людей в чужой культуре, временный захват пленных для выкупа, патриархальное

³⁹ Данилевский И. Н. «Слова, слова, слова» // Новое прошлое = The New Past. 2020. № 3. С. 114.

рабство в горских аулах и крепостное право в кавказских губерниях Российской империи.

Если исходить из подобной корректировки терминологического аппарата, то сами статьи Ю. Ю. Клычникова и О. С. Мутиевой не противоречат, а органично дополняют друг друга. Как показал Ю. Ю. Клычников, пытаясь объяснить устойчивость специфических форм кавказской работорговли, в силу скудости ресурсов Кавказа на его территории торговля людьми долго оставалась экономически наиболее прибыльным занятием, но именно в силу скудости этих ресурсов подобная торговля должна была носить почти исключительно внешний характер: выгоднее всего было захватывать рабов за пределами своей общины и продавать их богатым иностранным торговцам. Однако, исходя из подобной логики, и отдельные русские, придя на Кавказ, должны были пытаться извлечь выгоду из торговли людьми, но только до тех пор, пока такая торговля была возможна в их империи. Соответственно, статья О. С. Мутиевой просто демонстрирует случаи подобного развития событий, причем приводимые в ней факты, в отличие от авторских оценок, хорошо показывают как раз иерархию и эволюцию рабства: в более европеизированном и цивилизованном государстве — Российской империи — даже беззащитные девушки-горянки, захваченные в плен, хотя и попадали в полную зависимость от своих пленителей, по закону в крепостное состояние не обращались; а реально имевшие место, как мы увидим ниже, случаи продажи пленниц происходили вне правового поля.

Кавказское рабство в контексте причерноморского работорговческого локуса

Понятно, что с точки зрения современного гуманистического общества рабство, право собственности одного человека на другого, представляется совершенно неприемлемым и морально осуждается. Это и позволяет представителям современного общества использовать обвинения различных племен и государственных образований на Кавказе в работорговле для их дискредитации. Собственно, это хорошо демонстрирует статья О. М. Мутиевой, в которой, с одной стороны, доказывается, что «пленение для последующей продажи издавна имело широкое распространение не только у народов Кавказа, но и повсеместно», а с другой — постоянно осуждаются случаи пленения девушек-горянок. Автор открыто полемизирует с А. А. Цыбулькиной, по мнению которой «большинство кавказских женщин вполне лояльно относились к возможности быть проданными в рабство»⁴⁰. А поскольку в статье говорится преимущественно о пленении горянок русскими войсками и об их продаже, в которой обвиняются русские офицеры и турецкие купцы, но не сами горцы, то вследствие подобной подачи материала складывается парадоксальная ситуация: выходит, что горцы не подлежат осуждению за работорговлю, поскольку ею занимались все важнейшие силы в регионе, но при этом русские осуждаются за торговлю женщинами-горянками, поскольку последние, *вероятно*, не хотели быть проданными в рабство. При этом никаких фактических опровержений мнения А. А. Цыбулькиной О. С. Мутиева не приводит, ограничиваясь сле-

⁴⁰ Мутиева О. С. Женщины как объект пленения... С. 50.

дующими эмоциональными заявлениями, снова написанными с позиций человека современной гуманистической культуры: «Ни для одного человека независимо от пола, национальности, конфессиональной принадлежности продажа в рабство не может быть нормальным и привычным явлением. Можно допустить, что пленные женщины могли приноровиться к новым условиям, чтобы выжить, но не искренне радоваться плену, как пишут авторы»⁴¹.

Как нам представляется, в данном случае мы прежде всего сталкиваемся с очередной терминологической путаницей. С Кавказа продавали не только «пленных женщин», но и дочерей лиц зависимого населения. В классическом нарративе Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» приводится очень показательный диалог автора с девушкой-служанкой, которую везут продавать туркам, где она то смеется, то плачет попеременно:

«— Как не радоваться, — отвечала Хан, — я здесь рабыня, не то что Кучухуж, а там, говорят, буду непременно госпожой; мне дадут хорошие платья, дадут денег, я стану пересылать их отцу и матери, а если будет много денег, так выкуплю их на волю и перевезу к себе за море.

<...>

— А слезы о чем?

— Жаль расставаться с родными, да еще... еще одного боюсь.

— Чего же?

— Не знаю, к кому я попадусь, будет ли он добр и весело ли мне будет его любить: мать говорит, что меня купит богатый турок, может быть, паша, именно для того, чтоб я его любила»⁴².

Данный диалог очень хорошо показывает сложное отношение горской девушки к рабству и к перспективе быть проданной далеко от дома. Фактически она рассматривает свою продажу как социальный лифт, а ее переживания связаны со страхом не использовать этот лифт и с нежеланием расставаться с родными. Конечно, реакция на продажу в рабство свободной девушки могла бы быть совсем иной. Но мы хотим показать именно то, что в регионе, где рабство повсеместно распространено, а большинство политических сил допускают работорговлю в той или иной форме (от пленопродавства до крепостного права), само рабство как явление не может вызывать осуждения большей части общества, но вместо этого воспринимается как естественная норма. И, соответственно, отношение горянок к перспективе быть проданными в рабство следует связывать не с их отношением к институту рабовладения вообще и гипотетическим непринятием подобного института, а с их статусом и с тем, какие перспективы это перед ними открывало.

Учитывая сказанное, нам представляется очень важным рассматривать кавказское рабство в контексте не морали, законов и экзистенциальных ценностей Российского государства, под определяющее влияние которого Кавказ попадает только в XIX в., но морали, законов и экзистенциальных ценностей черноморского локуса, к которому Кавказ относился до этого времени. Как мы указывали выше, в современной русскоязычной историографии контекст причерноморского и средиземноморского рабства попытался системно описать В. Е. Возгрин в статье «Раб-

⁴¹ Там же.

⁴² Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 363.

ство в странах Черного моря (позднее Средневековье — Новое время)». Приведем некоторые выводы, которые можно сделать из этой статьи с учетом наших умозаключений о работорговле на Кавказе.

1. Та же тенденция важности пленопродавства для региональных форм рабства, которая наблюдалась на Кавказе до XIX в., долго была характерна и для Крыма. Местное сельское хозяйство основывалось на свободных крестьянах, рабов почти не державших, а аристократия содержала преимущественно «охрану, музыкантов, евнухов, а также наложниц»⁴³. Таким образом, для Крымского ханства работорговля являлась важной составляющей экономики, но сами крымчаки, как и кавказцы, рабов содержали относительно редко. И объяснение этого факта для Крыма В. Е. Возгрин делает такое же, как Ю. Ю. Клычников для Кавказа, считая определяющими природно-географические факторы: «Несмотря на отменное плодородие степной почвы полуострова, все-таки при отсутствии искусственного полива это была область рискованного земледелия. Примерно раз в 5–7 лет из-за отсутствия дождей случались неурожаи, тогда средней семье не только на продажу — себе хлеба не хватало, куда уж тут невольников кормить»⁴⁴. Таким образом, кавказское рабство не следует рассматривать изолированно: оно было следствием экономической ситуации в мире, когда в специфических условиях Северного Причерноморья раба можно было добыть ценой сравнительно небольших затрат и существовали пути сбыта в Средиземноморье, где раб стоил значительно дороже.

Соответственно, усиление Российской империи и переход Крыма и Кавказа под ее контроль уничтожали самую экономическую основу пленопродавства: нарушились торговые связи между поставщиками пленных и основным для них рынком сбыта. При этом задачи уничтожить торговлю людьми Россия изначально не ставила, заменяя пленопродавство другим вариантом неклассического рабства — крепостным правом. Так, до отмены крепостного права на территории Таврической губернии, большая часть которой входила в состав бывшего Крымского ханства, было 16 256 крепостных крестьян (отметим, впрочем, что тут, в отличие от Земли Войска Донского, большую часть населения составляли государственные крестьяне, поскольку колонизация региона осуществлялась государством, а не местной элитой)⁴⁵. Таким образом, для уничтожения пленопродавства был важен не столько внешний контроль (Крымское ханство в целом контролировалось великой державой своей эпохи, Османской империей), сколько уничтожение экономических основ данной практики. Но и уничтожение пленопродавства Российской империей до 1861 г., как мы убеждаемся еще раз, означало не уничтожение торговли людьми вообще, а замену пленопродавства другой формой неклассического рабства — крепостным правом.

2. Поскольку основным рынком сбыта для проданных с Кавказа рабов было Средиземноморье, причем в первую очередь мусульманские Турция и Египет, тяжесть положения кавказских рабов необходимо рассматривать исходя не из представлений о рабстве вообще, а из реального положения рабов в этих странах.

⁴³ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря. С. 91.

⁴⁴ Там же. С. 91.

⁴⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 17 т. Т. 11, ч. 2. СПб., 1849. Табл. 4.

Между тем, по мнению В. Е. Возгрин, за исключением гребцов на галерах, работа подобных рабов «была сносной и, что важно, временной»⁴⁶.

Данное утверждение исследователь подтверждает целым рядом цитат из работ других специалистов по истории рабства, как отечественных, так и зарубежных, считавших, что «рабство в мусульманских обществах не всегда характеризовалось исключительно униженным состоянием», что «ислам смягчал суровость рабства и вызывал снисхождение» и что «статус раба регулировался законом»⁴⁷. В. Е. Возгрин особенно подчеркивает, что в основе подобного отношения к рабам лежали экзистенциальные основы ислама: «Сколько раз должно прощать рабу?» — спрашивали у Пророка, и он отвечал: «Семьдесят раз в день, если ты желаешь заслужить благоволение Божье». И далее: «Не говори “мой раб,” потому, что мы все рабы Аллаха, но говори: “мой слуга” или “моя служанка”...»⁴⁸

Нас, однако, более интересуют конкретные примеры хорошего отношения мусульман к своим рабам, которые приводит В. Е. Возгрин. Так, он описывает случай посещения Крыма неким иезуитом в начале XVIII столетия, во время которого священник встретил людей, захваченных в плен во время осады Вены (1683 г.). Их уже отпустили на свободу, и только один из них выразил желание вернуться на родину, а остальные отказались, «говоря, что не знают, будут ли иметь в нашей стране что есть»⁴⁹. В. Е. Возгрин высказывает предположение, что иезуит встретил бывших крестьян, для которых жизнь вольноотпущенников в Крыму была намного предпочтительнее возврата в империю Габсбургов, где им снова пришлось бы отрабатывать барщину на помещиков⁵⁰. Кроме этого частного примера В. Е. Возгрин указывает на существование многочисленных «худжетлер, или вольных, хранящихся в османских кадиаскерских регистрах XV–XIX вв.»⁵¹. Основываясь на подобных примерах, исследователь подчеркивает, что освобождение рабов в мусульманском мире было нормой, особенно для слуг-домочадцев⁵². Даже рабский статус сам по себе отнюдь не означал низкого социального положения. В. Е. Возгрин пишет, что «в Османской империи бывало, что рабы вообще становились вровень со своими бывшими владельцами», а мы бы хотели напомнить, что знаменитые янычары формально являлись рабами султана⁵³.

Как мы помним, В. Е. Возгрин доходит до прямого сопоставления положения рабов в Османской империи и пленных мусульман в России. И, по его мнению, первые находились в гораздо лучшем положении: рабство пленных мусульман в России якобы обычно было вечным и не предполагало освобождения, а условия их жизни, особенно на «государевых работах», были тяжелейшими⁵⁴.

Дополнить и несколько скорректировать утверждения В. Е. Возгрин о рабстве в мусульманском мире вообще и в Крымском ханстве в частности позволяет статья «Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве» О. Д. Рустемо-

⁴⁶ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря... С. 98.

⁴⁷ Там же. С. 94–95.

⁴⁸ Там же. С. 94.

⁴⁹ Там же. С. 96.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 97.

⁵² Там же. С. 96–97.

⁵³ Там же. С. 97.

⁵⁴ Там же. С. 97–98.

ва⁵⁵. В ней автор приводит целый ряд случаев гуманного отношения к рабам хозяев в Крыму, и, что важно, кадийского суда. Наиболее забавен и любопытен случай, когда суд признал раба свободным на том основании, что хозяева постоянно называли его своим сыном⁵⁶. Подтверждается и утверждение о временном характере мусульманского рабства: О. Д. Рустемов приводит ряд доказательств того, что обычно срок службы раба в Крымском ханстве составлял 6–7 лет (впрочем, окончательное решение этого вопроса оставалось за хозяином), а в случае нарушения хозяином данного при свидетелях общения об освобождении раб мог рассчитывать на справедливость в суде⁵⁷. Тем не менее, как утверждает автор, известны и случаи самоубийства рабов в Крымском ханстве, совершенные, вероятно, из-за жесткого обращения хозяев, имуществом которых юридически являлся раб⁵⁸.

Таким образом, возможно, В. Е. Возгрин несколько идеализирует положение рабов в исламском Причерноморье и Средиземноморье, однако бесспорно плохим это положение действительно не было. Соответственно, оценивать кавказское рабство и практики пленопродавства следует, не забывая о том, что рабство на территории черноморского и средиземноморского локуса позднего Средневековья и Нового времени было относительно мягким и, главное, статус раба сам по себе не стигматизировал человека.

3. В связи с этим крайне интересны приводимые В. Е. Возгриным сведения о практике добровольной продажи в рабство родителями собственных детей. По его мнению, в XIV в. на Кавказе и Юге России «нередко случалось, что родители сами продавали своих детей, в особенности дочерей, работоторговцам, отправлявшим невольников на Запад»⁵⁹. К сожалению, данное свое утверждение ученый не развивает.

Любопытные свидетельства европейских путешественников о положении черкешенок на родине и их отношении к продаже в рабство на чужбину уже в XIX в. приводит М. Шмигель в статье «Метаморфозы черкесской работоторговли (XIII–XIX вв.): аспекты женского “живого товара”»: «Женщина у черкесов, как и у всех народов, славу которых составляют грабежи, находится в полном подчинении у мужа и является скорее его рабыней, нежели подругой»; «Как ни прекрасна черкешенка, жизнь ее в семейном кругу очень печальна. Поэтому обыкновенное назначение ее украшать гарем какого-нибудь турецкого вельможи совсем не так жалко, как можно полагать. Для черкеса жена не что иное, как служанка, которая всегда должна исполнять его волю; на ней лежат все домашние работы, а также забота о его вооружении. Эта жизнь, при всем внешнем блеске, в котором оба пола не отстают друг от друга, заставляет черкешенку проводить все время в жалкой мазанке, или в так называемом доме, состоящем из плетня, обмазанного глиной. <...> Если девушек продают работоторговцу, это обычно бывает по их собственному согласию и исходя из их честолюбивых намерений, поскольку у них есть перспектива

⁵⁵ Рустемов О. Д. Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 715–727.

⁵⁶ Там же. С. 718.

⁵⁷ Там же. С. 721–123.

⁵⁸ Там же. С. 718.

⁵⁹ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря. С. 92.

выгодно устроиться в лучших турецких гаремах»⁶⁰. Таким образом, в реальности для девушки-горянки до инкорпорации региона в состав Российской империи выбор стоял не между рабством и свободой, а между гарантированным рабством де-факто в бедном ауле и шансом на рабство де-юре в богатом гареме, с возможностью при должном уме и везении иметь влияние на мужа.

Любопытно, что европейские путешественники, о которых пишет М. Шмигель, подобно Ф. Ф. Торнау признают, что даже для желающих быть проданными в рабство горянок все равно становилась тяжелой разлука с родными. Однако в обществе возникали практики воспитания девочек, снижающие остроту этой проблемы и направленные на то, чтобы черкешенка воспринимала как норму не только свою продажу в рабство, но и разрыв с семьей. «Чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах, оттого они покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей. <...> Молодая девушка не всегда смотрит на этот варварский акт отца под таким углом зрения: если она красива, она надеется суметь получить место в гареме в Турции. Подобные романтические мысли ее успокаивают...»⁶¹ Разумеется, разные девушки на перспективу быть проданными в рабство реагировали по-разному, и были и те, для кого такая перспектива была неприемлема (доходило до попыток побега)⁶². Но необходимо четко осознавать, что общество в целом к практике продажи собственных дочерей в рабство относилось терпимо, и не только в силу выгоды этой практики для родителей, но и потому, что она оправдывалась предпочтениями для самой продаваемой.

И если вернуться к статье В. Е. Возгрин, то из нее следует, что схожие практики продажи членов семьи в их собственных интересах в позднее Средневековье имели место на территории причерноморского локуса и за пределами Кавказа, а в роли продаваемых выступали не только девочки. Часто продажа выступала в качестве альтернативы голодной смерти: в неурожайные годы своих детей продавали даже сами татары Крымского ханства⁶³. До XVI в. продавали своих детей и христиане Добруджи, Молдавии и Валахии⁶⁴.

Таким образом, совершенно некорректно рассматривать историческое кавказское рабство и пленопродавство в современных аксиологических категориях. С одной стороны, повсеместность и распространенность рабства в регионе, а с другой стороны, сравнительно терпимое положение многих рабов, причем с возможностью выбраться из рабства и занять определенное положение в мусульманском обществе, вели к тому, что даже родители могли продать своего ребенка в рабство, причем как в экстремальных условиях голода, так и в случае, если представлялось, что в рабстве специфические качества ребенка (например, привлекательная внешность для юной девушки) позволят улучшить его положение. Оценивая кавказские практики пленопродавства, необходимо понимать подобный аксиологический

⁶⁰ Šmigel M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the “Live Goods” // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. No. 5 (1). P. 22.

⁶¹ Ibid. P. 28.

⁶² Ibid.

⁶³ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря. С. 92.

⁶⁴ Там же. С. 93.

статус рабства: пленников продавали не в беспросветную пожизненную кабалу, а в богатые страны, куда в поисках лучшей доли местные бедняки могли продавать и собственных детей.

4. Наконец, отдельного внимания заслуживают утверждения В. Е. Возгрина об участии России в кавказской работорговле. Тот факт, что невольников через Северный Кавказ продавали восточные славяне до принятия христианства, отмечает и Ю. Ю. Клычников, однако он предполагает, что с принятием христианства на Руси активное пленопродавство со стороны ее элиты прекратилось⁶⁵. В. Е. Возгрин, напротив, на конкретных примерах показывает, что и в XV–XVI столетиях из Новгорода и Москвы в Крым эпизодически шли потоки рабов, захваченных в финских областях⁶⁶. А казаки, по его мнению, активно поставляли в Крым живой товар до XVIII в.⁶⁷

Более подробно интересующая нас проблематика представлена в другой недавно вышедшей статье — «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.)⁶⁸. Ее автор Д. В. Сень также приходит к выводу, что «работорговля относилась к числу традиционных занятий донских казаков»⁶⁹. При этом способы захвата рабов для последующей продажи, практиковавшиеся казаками до XVIII в., отнюдь не отличались гуманизмом: захватывали преимущественно женщин и детей, а мужчин убивали⁷⁰. Однако та картина, которую рисует Д. В. Сень, несколько сложнее описанного Д. Е. Возгриным, и поэтому мы остановимся на ней подробнее.

Прежде всего, по мнению Д. В. Сенья, для донских казаков главное значение имела продажа пленных не через Крым в Османскую империю, а через Дон в русские города⁷¹. Таким образом, в течение какого-то времени (как минимум в XVII в.), Россия тоже была рынком сбыта рабов, захваченных в Причерноморском регионе, только рабов этих поставляли не горцы и татары, а казаки. Ситуация изменилась в конце XVII в., причем одновременно для всех участников: новые соглашения между Россией и Османской империей предусматривали прекращение взаимных набегов на их территориях. На практике это работало не всегда, но нарушения договора снова были обоюдными: так, когда в 1706 г. с Кубани был совершен набег на Азов, а затем османские и крымские чиновники вернули 129 пленных, захваченных их подданными, в ответ они потребовали вернуть 146 человек, захваченных вассальными Россией казаками и калмыками⁷². Выше мы писали, что русские, придя на Кавказ, должны были пытаться извлечь выгоду из традиционной для региона торговли людьми, но только до тех пор, пока такая торговля была возможна в их империи. Как видим, ранее аналогичная ситуация сложилась в Северном Причерноморье: первые сумевшие закрепиться в регионе пророссийские элементы, каза-

⁶⁵ Клычников Ю. Ю. North Caucasian “Hotbed” of the Slave Trade. P. 7–8.

⁶⁶ Возгрин В. Е. Рабство в странах Черного моря. С. 92.

⁶⁷ Там же. С. 94.

⁶⁸ Сень Д. В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46.

⁶⁹ Там же. С. 38.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 40.

ки, вполне восприняли работорговлю и пленопродавство от своих мусульманских соседей и сделали их важной частью своей экономики. Процесс же прекращения взаимных набегов и пленопродавства был запущен не одной Россией, а стал следствием изменения системы международных договоров (причем, как мы показывали выше, торговлю людьми в регионе это не прекратило вовсе, а только привело к замене в Донском Войске массового пленопродавства, выгодного приграничным воинам, таким же массовым крепостным правом, выгодным казачьей элите при хозяйственном освоении территорий, ставших безопасными).

На пленопродавство (преимущественно в Крым) была ориентирована только специфическая группа казаков, сформировавшаяся в конце XVII в., — кубанские казаки-старообрядцы, перешедшие в подданство крымских ханов⁷³. Д. В. Сень особенно подчеркивает тот факт, что они «регулярно захватывали в плен других христиан — российских подданных»⁷⁴. Им приводится целый ряд конкретных примеров, когда православные русские захватывались кубанскими казаками-старообрядцами и позднее продавались мусульманам⁷⁵. По мнению исследователя, активное участие старообрядцев в работорговле «свидетельствует о высоком уровне их адаптации к местным условиям»⁷⁶. Таким образом, группа казаков, решившая отколоться от основной массы Донского Войска, в плане практик пленопродавства быстро стала почти неотличима от татар и горцев.

Итак, если рассматривать рабство на Кавказе не изолированно, а в контексте рабовладельческих практик Причерноморского региона, станет понятно, почему отношение к рабству здесь было аксиологически нейтральным. Рабство практиковалось и на сопредельных территориях, оно было сравнительно терпимым и оставляло шансы рабу на улучшение своего статуса. Более того, были случаи, когда родители продавали своих детей, надеясь, что в рабстве их ждет лучшая доля, а в системе работорговли участвовали все основные субъекты местной политики, включая и Россию. В связи с этим обращают на себя внимание рассуждения Д. В. Сени о том, что в позднее Средневековье и раннее Новое время существовала единая для всего степного региона система плена и рабства, удар по которой был нанесен как раз договорами России и Османской империи на рубеже XVII и XVIII вв.⁷⁷ Если принять в расчет данное утверждение, то получится, что архаичный Кавказ эпохи Кавказской войны был просто последней частью некогда куда более обширной территории, включавшей в себя и Крым, и Понтийскую степь, — территории, на которой в условиях ограниченности ресурсов, частых войн и наличия рынка сбыта рабов сформировалась крайне специфическая экономическая система, важную роль в которой играли практики работорговли, в том числе и пленопродавства.

Выводы

Подведем итог первой части наших рассуждений. Как мы убедились, для того, чтобы верно понять особенности и специфику кавказского рабства, прежде всего

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 40–41.

⁷⁶ Там же. С. 43.

⁷⁷ Там же. С. 38.

следует его однозначно терминологически определить и уяснить, что оно сформировалось и существовало бóльшую часть своей истории в контексте Причерноморья эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Более же конкретно наши выводы можно свести к следующему:

1. Поскольку Кавказский регион существовал на рубеже различных народов, культур и религий, то на его территории в разные периоды были представлены совершенно различные варианты полной зависимости одного человека от другого. Принципиально важным для дальнейших исследований кавказского рабства нам представляется анализ его различных вариантов, выстраивание иерархии видов рабства на Кавказе и их систематизация. Мы не пытались специально вычленять различные варианты юридической зависимости человека от человека на Кавказе, но даже в рамках настоящей статьи коснулись нескольких форм такой зависимости, которые разные исследователи считают рабством и которые принципиально отличаются друг от друга. Перечислим их:

а) феодальное (часто патриархальное) рабство внутри местных горских обществ;

б) пленопродавство, захват пленных для их дальнейшей продажи за пределы региона или получения выкупа, без инкорпорации пленника в местное общество в качестве раба;

в) продажа в рабство за пределы региона собственных детей, чаще всего красивых девушек, оправдывающаяся возможностью социального лифта или их спасением от голодной смерти;

г) русское крепостное право;

д) насильное воспитание пленных детей горцев в семьях, принадлежавших имперской культуре.

Безусловно, можно предложить и иные классификации видов кавказского рабства, как дополняющие предложенную нами, так и вообще основанные на других принципах. Однако в любом случае для исследования кавказского рабства принципиально важно понимание того, что оно было крайне неоднородным, что как сужение кавказского рабства до одной его категории, например пленопродавства, так и рассмотрение вообще без разделения на категории неизбежно ведет к искажению исследовательской оптики, а вследствие этого и выводов исследователя.

2. Рабство на Кавказе до XIX в. представляло собой аксиологическую норму. Соответственно, отношение местных жителей к рабству принципиально отличалось от отношения современного человека: не только отсутствовало негативное отношение к рабству как к социальному институту, но и сами рабы могли положительно относиться к своей продаже. Хорошей иллюстрацией тут служит эмоциональное состояние продаваемой в Турцию горянки, описанное Ф. Ф. Торнау: девушка одновременно плакала из-за предстоящей разлуки с родителями и радовалась тому, что получила шанс на улучшение своего положения. Рассматривая рабство как нечто социально стигматизированное и априори вызывающее недовольство самих рабов, мы нарушаем принцип историзма и лишаем себя возможности понять отдельные его механизмы. При этом неверно рассматривать нормализацию рабства, превращение его в вариант социальной нормы, характерный для Кавказа, в качестве доказательства какой-то особой архаичности или жестокости местных жителей. Рабство в широком смысле слова исторически было вариантом социаль-

ной нормы и для всех сопредельных с Кавказом государств до 1861 г., когда в России произошла отмена крепостного права.

3. Наконец, генезис, логику и эволюцию рабства на Кавказе невозможно понять, не выйдя за рамки традиционной модели российской национальной истории. Большую часть своего существования кавказское рабство имело к России только косвенное отношение и функционировало в рамках совершенно иной историко-культурной общности, в рамках локуса работорговческого Причерноморья, не сводимого к национальной истории вообще ни одного современного государства. Кавказское рабство было рабством фронта, пограничья, на котором легко было брать пленников, а страны, в которых возникли национальные историографии (Россия, Турция, ранее — Византия/Греция, Италия (и в частности, Генуя)), выступали только рынками сбыта для захваченных рабов. Разумеется, для рассмотрения частных сюжетов (например, рабства в период Кавказской войны) использование моделей классического нарратива российской национальной истории вполне уместно. Однако применение этой модели к логике кавказского рабства в целом неизбежно ведет к восприятию местных практик неклассического рабовладения как варварства, отклонения от нормы в отличие от русского крепостного права, нормализованного и воспринимаемого аксиологически более терпимо. Вопрос о том, что многие русские офицеры-кавказцы имели крепостных, отбрасывается как несущественный, а вот рабовладельческие практики горцев стигматизируются как хищничество. Между тем в рамках региональной истории Кавказа логика должна быть обратной: нормой для региона было именно то, что русские наблюдатели звали хищничеством (специфические формы причерноморского рабства), а вот крепостничество Российской империи представляло собой только эпизод последнего акта истории рабовладения на Кавказе. Изучать историю кавказского рабства как феномена следует прежде всего в причерноморском, а не только в российском контексте, который становится определяющим для региона лишь в XIX столетии.

References

- Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*, 2020, vol. 57-1, issue 3-1 (Special issue), pp. 1415–2265.
- Cherkasov A. A., Ivantsov V. G., Šmigel' M., Bratanovskii S. N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*, 2018, no. 50 (4), pp. 1334–1346.
- Danilevskii I. N. "Slova, slova, slova". *Novoe proshloe / The New Past*, 2020, no. 3, pp. 102–122. (In Russian)
- Inozemtseva E. I. *Institut rabstva v feodal'nom Dagestane: ocherki istorii*. Makhachkala, DNC RAN Press, 2014, 298 p. (In Russian)
- Klychnikov Yu. Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*, 2020, no. 5 (1), pp. 4–18.
- Klychnikov Yu. Yu., Tsybul'nikova A. A. "Tak buinuiu vol'nost' zakony tesniat...": *bor'ba rossiiskoi gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki)*. Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2011, 255 p. (In Russian)
- Mirzai B. A. *Slavery, the Abolition of the Slave Trade, and the Emancipation of Slaves in Iran (1828–1928)*, PhD thesis. Ottawa, Library and Archives Canada = Bibliothèque et Archives Canada, 2005, 292 p.
- Mutieva O. S. Zhenshchiny kak ob'ekt pleneniia i rabotorgovli v kontekste Kavkazskoi voiny. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2017, no. 3, pp. 47–51. (In Russian)
- Rustemov O. D. Prava rabov i usloviia ikh osvobodzheniia v Krymskom khanstve. *Golden Horde Review*, 2022, vol. 10, no. 3, pp. 715–727. (In Russian)

- Sapozhnikov A. I. Iz predystorii Dvoryanskoi rodoslovnoi knigi Voiska Donskogo 1826–1835. *Donskoi vremennik*, 2017, issue 26, pp. 62–84. (In Russian)
- Sen' D. V. “Bil chelom akhreianskomu atamanu...”: plen, rabstvo i vykup na iuzhnom pograničè (konets XVII v. — nachalo XVIII v.). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï RAN*, 2018, no. 1, pp. 36–46. (In Russian)
- Šmigel M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the “Live Goods”. *Slavery: Theory and Practice*, 2020, no. 5 (1), pp. 19–36.
- Tyutyunina E. S. To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks. *Slavery: Theory and Practice*, 2018, no. 3 (1), pp. 40–48.
- Vozgrin V. E. Rabstvo v stranakh Chernogo moria (pozdnee Srednevekovè — Novoe vremia). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2011, issue 3, pp. 90–100. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: September 20, 2022

Accepted: January 30, 2023